

Илья Лавров

16+

Наследницы амазонок

Илья Лавров

Наследницы амазонок

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Лавров И.

Наследницы амазонок / И. Лавров — «ЛитРес: Самиздат», 2010

В новом детективном романе автора главный герой, казалось бы, должен только радоваться: не каждый день получаешь наследство. Но старый бабушкин дом оказывается под прицелом подозрительных личностей, которые ищут там клад. Что делать - верить в деревенские слухи или продать дом и уехать быстрее? Но как объяснить смерть родственников? И самое главное, как справиться с собственной дочерью, которая играет в сыщика и хочет сама дознаться до правды? Автор особенно хочет подчеркнуть, что этот детективный роман не для детей, но о воспитании детей.

Содержание

Письмо с того света	5
Трудно быть родителями Шерлока Холмса	9
Неожиданное происшествие, или происшествие всегда неожиданно	12
Как же нам без Шерлока Холмса	15
Как же нам без Шерлока Холмса (продолжение)	18
Родные пенаты	21
Последний погожий день	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Письмо с того света

Если честно, пока не произошла эта история, я был в отчаянии. Двенадцать лет назад я опубликовал свою первую и последнюю книгу. Думал, мир переменится, я – у цели. Я работал, как вол, не останавливаясь на достигнутом, написал еще несколько произведений, но... Изменился не мир, а времена: печатать меня больше никто не брался, и я не знал, что делать. Собственно, выхода было два: либо броситься с десятого этажа, либо повеситься. Пистолета у меня не было, топиться я боялся – ну, как не справлюсь с собой, выплыву, вот позор-то будет. А тем временем жизнь продолжалась: была у меня работа, была жена, росла дочь, и обязанность сделать ее счастливой никто не отменял. Сама о том не догадываясь, дочь и предложила выход:

– Папа, пиши детективы – это ведь так интересно.

Я задумался: а ведь и правда! Какого черта! Для кого я должен писать свои книги: для читателей или для критиков? Пусть те, кто не пускает меня в литературу, по-прежнему сидят в своей башне из слоновой кости и раздают похвалы себе, себе подобным и снова себе. И я попробовал детектив на зуб, и получилось, и мне понравилось.

Но сначала была эта страшная история с убийствами, расследованиями, поиском клада. Как раз вовремя, материал сам шел ко мне на кончик пера. Однако прежде чем приступить к изложению трагичных событий, придется рассказать о моих родственных связях.

У обоих моих родителей, ныне покойных, было восемь братьев и сестер, поровну, по четыре. Может быть, потому я и стал единственным ребенком в семье, судя по приданию. Якобы вслед за мной, ровно через год должно было появиться пополнение – уж тут неизвестно кто, сестренка или братик, – но обе мои бабушки, матери-героини, запричитали в один голос. Зачем вам еще обуза! Хватит! В это-то тяжелое время! Как будто в их молодые годы время было лучше. И мама сделала аборт, оставив меня без брата или сестры. К слову сказать, мое возмущение было так велико, что я, годовалый, до этого с удовольствием хлебавший материнское молоко и не мечтавший о чем-либо другом, отныне отказался брать грудь. В свою проницательность в этом свежеиспеченном возрасте я не верю и нахожу лишь одно объяснение: а не могло ли молоко скиснуть?

У мамы было две сестры и два брата: тетя Людмила, дядя Юра, дядя Леня и тетя Тамара. Последней родилась моя мама, но ушла из жизни первой. О ее братьях и сестрах, моих дядях и тетках пойдет речь. Чтобы еще сильнее сузить круг повествования, сразу же расскажу о дяде Юре. Он не принимал участия в этих трагических событиях, но сыграл роль первотолчка, после которого и пошло все наперекосяк.

У дяди Юры нашли рак в прямой кишке. И можно было попытаться, несмотря на метастазы, сделать операцию, но он категорически отказался ехать в больницу. Лучше умереть дома, решил он, чем на казенной койке, да еще и с трубочкой в боку, из которой все время будет вытекать кал. Мужественный поступок, но мучения его были ужасны. Как могла, их пыталась уменьшить дядина жена, тетя Нина. Тетя Людмила, старшая сестра, пыталась поддержать дядю Юру, но до этого ли ему было. Тут-то, перед постелью умирающего, тетя Людмила и заразилась его унылой философией. Именно дядя Юра перед самой своей смертью внушил моей тетке, что жизнь – дерьмо, вытекающее из катетера, что гораздо лучше умереть, но не здесь в этом огромном вонючем городе, ванне для сбора все того же продукта жизнедеятельности, а там, где все они родились – в деревне. Поезжай, Людмила, туда – там спасение.

И перед смертью ни единого слова о боге. Не то воспитание.

Мама рассказывала, что бабушка всегда держала их в строгости. А как иначе – одной с пятью детьми! Последний ребенок родился в июле 1941-го, в то самое время, когда дедушка собирал вещмешок. По пути зашел в роддом, посмотрел на новорожденную – и на фронт.

Погиб он 3 февраля 1943 года под Смоленском, оставив после себя только хорошую пенсию, которую выдавали детям погибшего комсостава. На то и жили.

Еще мама рассказывала, как удивлялись учителя в школе и друзья, когда слышали, что дети зовут свою мать на "вы" – так было принято в семье с давних пор. Патриархальное воспитание былых времен из деревни исчезло. Ладно отчим, который появился уже после войны. Но говорить на "вы" с матерью! Я, кстати, бабушке "тыкал" и – ничего.

Немудрено, что все пятеро, вырастая по очереди, уезжали учиться в Ленинград, да там и оставались. Впрочем, тогда все так делали, бежали отнюдь не от строгого маминоного глаза.

И вот теперь тетя Людмила решила вернуться. И ничто ее не держало. Было ей шестьдесят два года; когда-то был у нее муж – развелись; была и дочь – когда-то была – умерла, утонула на курорте в Болгарии, утащило ее в море, и тела не нашли, и на могилу не сходить. Некому было тетю Людмилу отговаривать. Наоборот, тетя Тамара и дядя Леня ухватились за идею переезда с энтузиазмом. Идея-то была хороша: вернуться остатком семьи в родные пенаты и лечь рядом с родителями в родную землю. И легли ведь. Но какой, наверное, ужас стоял в их глазах, когда они умирали насильственной смертью.

У тети Людмилы была квартира в Петергофе, хоть и однокомнатная, но хорошая: на улице Озерной, недалеко от дворца с видом на залив и купола петергофского собора из окон. Но повторяю, отговаривать ее было некому, и особенно не пристало это мне, ее любимому, как она говорила, племяннику. Статус "любимого" обязывал меня чаще навещать тетку, но я откровенно пренебрегал этими обязанностями. А она звала меня, звала – ей было одиноко, – и при этом соблазняла квартирой: "Вот, – говорила мне по телеону, – умру, квартира тебе достанется". И не понимала, не могла понять, что это лишь отталкивало. Я ведь в своем юношеском максимализме думал: купить меня не получится!

Так она и уехала. Увлеченный своей супружеской жизнью, своим писательским творчеством и рождением дочери я почему-то даже не помогал с переездом. Справились и без меня. С тетей Людмилой уехали и дядя Леня с тетей Тамарой. Оказалось, что дядя Леня был давно уже прописан в петергофской квартире. Как-то после очередного его развода тетя Людмила из жалости прописала его у себя, чтобы была хоть какая-то крыша над головой у брата. А потом пожалела. Хоть и жил дядя Леня у своих многочисленных любовниц, не забывал и сестре о себе напомнить, то и дело после ссор к ней навеиваясь и качая права.

Тете Тамаре, жившей в Петрозаводске с младшим сыном, тоже пришло время изменить свою жизнь. С мужем она развелась давно, через какое-то время сын привел в дом жену, пошли у них дети, стало тесно, и все чаще тетя Тамара стала гостить у сестры в Петергофе. А тут такой случай. Напросилась – взяли.

В общем, со стороны все выглядело благообразно и чинно: оставшиеся в живых члены большой некогда семьи объединились и уехали на родину в Новгородскую область. Есть там на самом отшибе области поселок городского типа и крупная железнодорожная станция под названием Хвойная. Районный центр, между прочим; жителей – тысяч десять, не меньше. Все получилось удачно. Бабушкин дом пустовал и был записан на тетю Людмилу. Кроме того, однокомнатная квартира в Петергофе была обменена на трехкомнатную в хорошем кирпичном доме в Хвойной на улице Связи.

Прошел год.

Неожиданно тетя Людмила вернулась зимой. Основной мотив: соскучилась по Петербургу, по друзьям, по тебе, мой племянник. С равным интервалом в два дня, две ночи она прожила у двух своих подруг, у тети Нины, жены дяди Юры, и у меня, точнее, у нас.

Это были два незабываемых дня. Я, наконец, узнал – какая она, моя тетка. И груз квартиры, моего мифического наследства испарился. Тетя Людмила сильным астматичным голосом с присвистами рассказывала о своей жизни; а ей ведь было о чем рассказать, поносило ее по свету. Раньше, помнится, когда я приезжал к ней в Петергоф, она тоже пыталась это делать,

причем все было наглядней, потому что рассказы сопровождались фотографиями, но тогда, видно, было не время. Не дорос я до того жадного до историй писателя, каким стал сейчас.

Два дня пролетели где-то в горах Кавказа и на Урале, где тетя Людмила в молодости ходила с геологическими экспедициями и теперь с увлечением и страстью об этом рассказывала. Мы договорились писать друг другу, и в первом же письме я попросил ее рассказать о наших предках, если она что-нибудь знает. Оказалось, что знает и помнит она очень много, и порциями, по два-три листа тетя Людмила начала рассказывать историю нашего рода. Слог у нее был легкий живой, но жизнь в деревне оказалась невесела, потому что она сбивалась то и дело на события нынешние.

Дядя Леня пил, постоянно ругался с тетей Тамарой, и та вернулась к сыну. Тете Людмиле уезжать было некуда. Все заботы о содержании дома и квартиры навалились на нее. Тут же ее прижала астма. 8 марта, когда дядя Леня валялся пьяный, прогудев всю ночь, тетю увезли в больницу.

Все это я узнал потом из ее писем. Тетя Людмила вышла из больницы, и переписка наша продолжилась. Начав со своего прадеда, она рассказала до того момента, когда сама появилась на свет, и в каждом письме писала, что надо бы как-то переправить тебе, Паша, старые документы, которые хранятся в шкатулке дедовой работы. Я помнил эту шкатулку: из разных пород дерева с инкрустированными изображениями драконов и русалок. Но зачем было писать об этом в каждом письме, и какая срочность?

Вдруг в октябре письма от тети Людмилы опять перестали приходить. Я подумал, что она снова попала в больницу. Не часто ли за последний год?

Но тут поздним вечером, когда мы с женой уже легли спать, позвонил дядя Леня и – как обухом по голове:

– Это Леня. Людмила умерла. Приезжайте все. Похороны должны быть послезавтра. Денег привезите, – и повесил трубку. Кажется, он был пьян. Я спросонья не сразу сообразил, кто это и, главное, о чем он говорит.

– У них что там, часовые пояса поменялись? – проворчала Надя, но, узнав причину, тяжело вздохнула. Моя сердобольная жена очень жалела тетю Людмилу и ругала меня частенько за невнимательность к тетке. А на счет внезапного переезда прямо сказала: авантюра!

Тетя Людмила попала в больницу с инфарктом и, как говорил дядя Леня, не придя в сознание, скончалась. Похороны произвели на меня гнетущее впечатление. Из-за работы я смог приехать лишь на один день – утром приехал, а прямо с поминок ушел на вечерний поезд. Гроб на похоронах не открывали. Хоть и умерла тетя Людмила в больнице, что-то в морге случилось с охлаждением, кажется, отключили электричество за неуплату. Безобразие, но спросить было не с кого. От гроба исходил сильный запах, о чем дядя Леня не преминул пошутить:

– Да, она была не святая...

– Довел ее? – спросила у него тетя Тамара.

Он опять что-то пошутил. По-моему, он был рад. Я же молчал, не знал, куда деть руки и глаза.

И вот через месяц после похорон мне пришло странное письмо, подписанное незнакомым почерком. Обратного адреса не было, и, что необъяснимее всего, не было штампа почтового отделения из места отправления, чтобы можно было хотя бы узнать, откуда оно. Такие письма страшно распечатывать, но с первых строк стало ясно, что оно от тети Людмилы. Выяснилось, почему это не ее почерк, но прежде мелькнули мысли: может, она жива, может, произошла какая-то чудовищная ошибка – гроб-то ведь был закрыт. Или еще ужаснее: штампа-то нет, обратного адреса нет, и почерк незнаком – и вывод: может, и на том свете есть перо и бумага! Но все разъяснило содержание письма:

"Здравствуйте, Паша, Надя и Машенька. С приветом, тетя Людмила. Я опять в больнице. Пишет за меня одна сердобольная душа. Но не волнуйтесь, выкарабкаюсь. Сейчас уже стало лучше, пришла в сознание. Ставят капельницы одну за другой, таблетками запичкали – вытянут, врачи хорошие. Соседи по палате помогают, поддерживают. Грустно, конечно, когда никто к тебе ни разу не зайдет, передачу не принесет; жаль, что Тамара уехала. А на дядю Леню надежды никакой, и хорошо, что он не приходит, видеть его уже не могу. Совсем он меня измучил. Живет на мою пенсию, не работает, пьет, а жрать просит. Залез в долги и, наверное, придется продать квартиру. А недавно пьяный как стукнет по отчиму зеркала, что над ручкой висит, и треснуло оно. Если выкарабкаюсь, придется зеркало выкинуть – ведь плохая примета: смотреться в разбитое. Но пишу я не для этого. И очень жалею, что не рассказала тебе все раньше, когда была у вас в гостях. Не решилась. Хотела сделать это в письмах, все по порядку: сначала рассказать о нашем отчине Алексее Зиновьевиче, а потом уж и о тайне. Главное, чтобы Леня ничего не узнал. Он этого, стервец, не заслуживает. Помнишь, я рассказывала тебе о документах.

К сожалению, ваша родственница больше ничего не успела мне продиктовать. Потеряла сознание и вскоре умерла.

P.S. Извините, что долго не пересылала письмо. Сама лежала в больнице".

Письмо и, правда, было с того света. Вернувшись ненадолго в сознание, тетя Людмила продиктовала, что успела, и упокоилась уже навсегда. Из письма я ничего не понял, кроме того, что зря не набил дяде Лене морду на похоронах. Все какие-то намеки. И лишь через полгода с лишним, когда грянули в Хвойной зловещие события, которые мне предстоит описать, я поверил, что действительно тетя Людмила хотела сообщить мне какую-то тайну, да не успела.

Трудно быть родителями Шерлока Холмса

В то лето, когда полгода спустя эта история получила новое неожиданное продолжение, моей дочке Маше было двенадцать лет. Как обычно каникулы она проводила у родителей моей жены в Липецкой области. Но вернулись они с Надей в этом году раньше обычного, в начале августа. Я ехать за Машей отказался, хоть и ушел с августа в отпуск, и на то была уважительная причина, о которой ниже.

Предполагалось, что весь август до школы, пока мама на работе, а в выходные – и с ней, мы с Машей и нашим псом Кузей будем ездить за город за грибами, дышать свежим лесным воздухом и кормить комаров. Но кто же знал, что события так повернутся – комаров нам пришлось кормить в другом месте.

Может быть, и не было наших приключений, если бы не Маша, если бы год назад у бабушки в той же Липецкой области она не влюбилась... Да-да, ей было тогда одиннадцать лет, а в таком возрасте любовь приобретает странные очертания. Маша влюбилась в книгу. И не в одну, а в избранные произведения в четырех томах. Бабушка обожает почитать на досуге, души не чаёт в новых книгах и не раз пользовалась услугами сомнительной организации "Книга почтой". Тем летом она приобрела избранные сочинения Артура Конан Дойла "Весь Шерлок Холмс" в четырех томах и одним дождливым вечером подсунула их Маше. Результат был предсказуем, но последствия неожиданны. Маша читала всю ночь, одолев "Этюд в багровых тонах" и все рассказы первого тома. Проснувшись к обеду, Маша тут же принялась за том второй. Погода улучшилась, дождь давно прекратился, выглянуло солнце; подружки заходили, звали на улицу, но Маша строго-настрого наказала бабушке никого не пускать:

– Скажи, я заболела.

Тут бабушка обеспокоилась: "И впрямь заболела?" – подумав о другой болезни, чем та, которой хотела наградить себя внучка. Не долго думая, позвонила нам в Петербург. Заволновалась Надя. Ей, детскому психологу, такие случаи не встречались. Полезла в свои психологические книжки и возмущалась моему спокойствию.

– Не нашла ты такого случая, значит – все нормально, – говорил я. – Что вы так испугались. Пусть читает, книга как раз для ее возраста. Ей, наверное, надоело лазить за сараями.

Тем временем события у бабушки разворачивались с быстротой конандойлевских рассказов. Пока Маша читала второй том, бабушка спрятала два следующих, третий и четвертый. К вечеру, когда чтение второго тома закончилось, начался скандал. Девочкам надо спать по ночам, убеждала бабушка внучку и была, конечно, права. Маша позвонила нам и со слезами пожаловалась на бабушку. Тут уже и я обеспокоился. Кое-как мы с Надей уговорили дочь поспать эту ночь при условии, что завтра с утра бабушка отдаст ей третий и четвертый тома.

– После завтрака, – добавила от себя бабушка.

Каково же было ее удивление, когда утром, обеспокоившись, что внученька слишком долго не встает с постели, она тихонько заглянула в комнату, где спала Маша, и увидела, что та давно уже читает третий том. Книги бабушка спрятала очень хорошо: в старый самогонный аппарат, который на всякий случай и сам-то был спрятан неплохо. Четвертого тома, естественно, там уже тоже не было.

В свою очередь бабушка, не говоря ни слова Маше, решила, во что бы ни стало, найти четвертый том и снова его перепрятать. Потратила полдня, но не нашла, причем открыто искала и в той комнате, где читала Маша. Внучка демонстративно молчала, объявив бабушке, а заодно почему-то и ни в чем неповинному дедушке бойкот и голодовку на весь день. Перестала бабушка искать книгу, лишь заметив, что каким-то непостижимым образом цифра "3" на корешке сменилась на цифру "4". Впрочем, поздно вечером наша дочь прочитала и четвертый

том, после чего сразу же побежала на кухню, клацая зубами от голода. Там они с горюющей бабушкой и помирились. И все забылось для бабушки, но не для Маши.

С тех пор, это еще тем, прошлым летом в деревне, она начала играть в сыщика. Но играла она как-то по-настоящему, слишком серьезно, даже без всякой тени игры. Тем же летом расследовала несколько, как сама она называла, "дел": разыскала по следам сбежавшую в соседнюю деревню козу, нашла забытый одной теткой и одолженный мальчишками таз и обличила одного большого парня в краже сережек своей подруги. Расследования не прекратились и по приезде домой.

Что это за способности прорезались у дочери, я понять не мог, пока не пошел в библиотеку и не перечитал "Шерлока Холмса", которого открывал раньше тоже примерно в Машинном возрасте, а потом впитывал эти произведения только в кинематографическом варианте, хорошо, но не полным. Все стало ясно. Обычная логика, которая пришлась в нужное время по вкусу детскому уму, обычный расклад по полочкам, обычное следствие вывода. Я подумал, что это вовсе не плохо, и в следующий свой поход в библиотеку вместо обычной детской книжки взял для Маши учебник логики для учеников старих классов. Маше понравилось. Есть ли что-то странное в том, что учиться она стала еще лучше. Были и так одни пятерки, стало их больше.

Естественным было и ее желание приобщиться к другим детективным историям. Стоило ли возражать родителям, если дочь их учится отлично. Беспокоило только возможное обилие жестокости и крови у современных авторов, но вскоре все само разрешилось. Веский неологизм, или, если хотите, нынешний детский жаргонизм: "Отстой!" – и большой палец вниз – таков был ответ современным авторам из уст моей дочери. Из более подробных объяснений можно выделить следующее:

– Ей (автору) не мешало бы почитать Конан Дойла. Развела тут бодягу.

По-настоящему заинтересовали Машу лишь Агата Кристи и ранний Акунин, но и их загадки она щелкала, как орешки, задолго до конца повествования.

– Ты, наверное, в конец заглядываешь? – смеялся я над ней.

– Папа, я просто а-на-ли-зирую, – серьезно отвечала Маша и обижалась.

Что нам с Надей оставалось делать? Развивать новые способности дочери? Но зачем? Чтобы она пошла служить в милицию? Впрочем, наша помощь не требовалась. Нетрудно догадаться, отчего Маша в скором времени захотела обучаться игре на скрипке. Если так, подумал я, то недалеко до бокса и курения трубки. На семейном совете мы уговорили Машу повременить со скрипкой, так как для нас это оказалось слишком дорогим удовольствием, особенно осенью, после всех этих расточительных отпусков, в тайне надеясь, что Маша увлечется чем-нибудь другим – ну нет у нее слуха!

– Хорошо, – сказала дочь. – Но вы хотя бы можете купить мне Вагнера?

Я сидел напротив жены и видел, как медленно расширяются ее глаза. Сам я только и смог, что спросить:

– Рихарда?

– Рихарда, Рихарда, – передразнила меня Маша. Тут-то только я и вспомнил, что его слушал Шерлок Холмс.

Не особо разбираясь в этом виде искусства, я приобрел на компакт-диске тетралогия "Кольцо Нибелунгов", ибо с одноименной эпической поэмой я был, конечно, знаком. В одно из воскресений мы всей семьей удобнее усадились в кресла (мама на диване) и включили Вагнера. Мама вскоре вспомнила, что надо заниматься уборкой и готовить обед. Я смылся с собакой на прогулку, а потом надолго был послан по магазинам. Маша честно отсидела до конца, но разочарования на лице скрыть не смогла.

Я осторожно попробовал ее утешить:

– Вагнер был очень моден в то время, когда Конан Дойл писал Шерлока Холмса. Это был дух времени. Нам сейчас сложно окунуться в ту атмосферу: символизм, Ницше... – тут

я вспомнил, что говорю с ребенком. – А вообще-то тебе не мешало бы сначала прочитать литературную версию. Это очень интересная сказка в стихах, – и я полез в книжный шкаф за "Песнью о Нибелунгах".

С тех пор мы с Надей пытались направить Машины усилия в нужное нам русло, ибо перед нами была все-таки маленькая девочка, которой еще расти и расти, а не детективными расследованиями заниматься. Потому я посчитал правильным лучше пойти в шахматный кружок с ее-то логическими способностями. Шахматы ей понравились, тут был с родительской стороны успех. Но, в остальном, Маша не особенно поддавалась нашему влиянию, и интересы свои не меняла. В школе было масса неудобств от ее "расследований". Так прошел год. И вот, когда они с мамой вернулись от бабушки, и я поинтересовался:

– А кстати, Маша, что ты прочитала за лето? – то получил ответ:

– Да почти ничего...

– "Почти"?

–

Кроме "Шерлока Холмса".

Неожиданное происшествие, или происшествие всегда неожиданно

Но я сильно отвлекся.

А тем временем события приняли нешуточный – да что там нешуточный! – совсем невеселый оборот.

Итак, жарким днем в начале августа вернулись от бабушки с дедушкой Надя, Маша и, конечно, Муздрик, обезьянка, любимая машина игрушка.

А вечером позвонила тетя Тамара и сообщила страшную новость. Она приехала сегодня из Хвойной, остановилась у знакомых, а там в Хвойной... такое... там...

И слезы...

– Что? Что случилось? – закричал я в трубку.

Там в Хвойной убили дядю Леню, жестоко убили, избили ногами. Он умер от кровоизлияния в мозг. А ее, тетю Тамару, тоже долго мучили, тоже били, обрили наголо, пытали...

– Пытали?!

Да-да, пытали... Требовали, чтобы она переписала дом на них...

– На кого – "на них"?

На этих подонков. (Все понятно!) И еще они перерыли весь дом: искали какие-то документы, какое-то свидетельство... И она, тетя Тамара туда больше ни ногой. Так что, Пашенька, дом теперь твой. Хочешь, продавай, хочешь, оставляй себе. А она и сама не поедет, и тебе не советует, то есть мне.

После долгого разговора с выяснениями всех подробностей, которые приходилось с трудом вытягивать из тетки, я положил трубку и мрачно произнес:

– Поздравляю, нам привалило наследство.

– Ура! – крикнула Маша писклявым голосом Муздрика, а он поднял лапы вверх. Проснулся Кузя и завилял хвостом, видно, подумав, что пора гулять. А Надя сказала:

– Это кстати. А то у нас, как всегда после наших отпусков, денег нет.

Из сбивчивого рассказа тети Тамары можно было понять, что события развивались следующим образом.

Упоминал ли я, что после смерти тети Людмилы тетя Тамара насовсем переехала в Хвойную? Как ни странно попросил ее об этом сам дядя Леня, до этого ее выживавший из дома. Впрочем, если разобраться, ничего странного в этом нет – надо же было дяде Лене жить за чей-то счет. Как и прежде с тетей Людмилой стали они существовать на тети Тамарину пенсию. Но если с тетей Людмилой из-за ее экономии в хозяйстве и, может, из-за ее характера денег худо-бедно хватало, то теперь все повернулось по-другому. Запустение на огороде, задержки в выдаче пенсии и, думаю еще, пьянство обоих вынудили их продать квартиру на улице Связи и полностью переселиться в дом. А это означало, что теперь они смогут жить только вместе. Квартиру они проели (считай: пропили) за год. Дальше пошла жизнь в долг. Но и это продолжалось недолго.

Как-то сидели они поздно вечером на кухне за бутылкой. Вдруг скрипнула доска в заборе, отделяющем двор от соседей. Дядя Леня вздрогнул, посмотрел в окно:

– Это нас, Тамарка, убивать идут, – сказал и бросился закрывать двери. Но не успел – в сени уже входили. Закрыл лишь последнюю дверь в избу на хлипкий крючочек, которым никогда и не пользовались. Это спасло их всего лишь на несколько секунд.

Дядя Леня, прихватив початую бутылку водки, вылез в кухонное оконце, что выходило на огорода. Тетя Тамара еще ничего не понимала и осталась на месте. Тут и ворвались соседи – трое братьев-уголовников, с которыми дядя Леня частенько выпивал. Один остался держать

тетю Тамару, двое других сиганули в окно за дядей Леней. Вернулись они нескоро, разъяренные больше прежнего. Дяди Лени с ними не было. "Неужели удалось убежать", – еще подумала тетя Тамара и тут увидела вдруг, что сапоги у вернувшихся братьев в крови. Станным было то, что дядя Леня даже ни разу не крикнул, когда его били ногами. Но тетя Тамара молчать не собиралась и завопила в открытое окно. Ее сразу схватили, начали бить.

Дядя Леня задолжал этим головорезам столько денег, что они, недолго думая, включили счетчик, подождали, пока сумма возрастет до примерной стоимости дома и теперь требовали переписать дом на них. Если бы дом был записан на дядю Леню, может, было бы все проще. Но мудрая тетя Людмила оставила завещание, где дом и уже проданная квартира переходили к сестре. И тут молодчики встретили яростный отпор. Тетя Тамара уперлась. Она, конечно, не хотела умирать, но смерть брата вдруг открыла в ее душе какую-то новую, чистую страницу, и обладательница ее стала способна на подвиг. Тетя Тамара предпочла бы умереть, но не следовать воле убийц.

– Уголовники! Уголовники! – твердила она на каждый удар по старому ее телу и не сдавалась.

– Ах, мы уголовники?! – визжал младший и, пока старшие продолжали бить свою жертву, притащил дяди Ленин бритвенный станок и уговорил братьев побрить ее наголо, мол, побудь-ка в нашей шкуре. Младшему было восемнадцать, он всего лишь полгода как вернулся с "малолетки". Они брили ее на сухую тупым лезвием и ржали, когда она вскрикивала от боли. Но для нее это было минутным облегчением по сравнению с побоями.

Тетя Тамара упомянула только вскользь, что братья искали по всему дому еще какие-то документы. Она показала им, где лежит шкатулка со старыми фотографиями и документами, они перерыли ее всю, но, видно, не нашли то, что искали. "Где еще документы?" – пытали ее они, но она клялась, что отдала им все. Под утро они ушли ни с чем и почему-то ее не убили, хотя она уже давно приготовилась к смерти. Тетя Тамара, еле держась на ногах, выбралась во двор и пошла искать брата. Она отыскала его за сараем, на краю картофельного поля, которого не видно было из-за сорняков, он лежал на боку и прижимал к груди закоченевшей рукой горлышко от разбитой бутылки.

И было это месяц назад.

(– Месяц назад?! – удивился я, когда услышал – я уже собирался ехать на похороны.)

Весь месяц, пока шло следствие, тетя Тамара сначала лежала в больнице, а потом скрывалась на другом конце поселка у старой школьной подруги. Жила в баньке, выходила только тогда, когда изредка за ней приезжала милиция. И ни разу больше не побывала в своем доме – так она была напугана.

Под следствие взяли только одного из братьев убийц – старшего, который принял всю вину на себя, – остальных выпустили. Спустя месяц, когда ее свидетельские показания милиции стали больше не нужны, тетя Тамара уехала.

В общем, обычная бытовуха на почве пьянства. Но смущало упоминание о каких-то документах, которые искали убийцы. Я тут же вспомнил о последнем письме тети Людмилы. Нашел его, перечитал, но ясности не прибавилось. Тетя Тамара предпочитала больше не вспоминать о той кошмарной ночи, игнорируя мои вопросы. Мы встречались с ней несколько раз, переоформляя на меня документы на дом. С тех пор, как я ее видел полгода назад на похоронах тети Людмилы, она очень сильно изменилась. Новые волосы выростали седые, на скуле глубокий шрам от уха к носу с поперечными ранками от швов. Похудела, осунулась, стала даже поменьше ростом, и ни капельки жизни в глазах. Когда дарение было оформлено, она тут же уехала к сыну в Петрозаводск.

Я получил наследство официально. Теперь нужно было решить, что с ним делать. Вечером был собран семейный совет. Маша, у которой и у самой-то не было еще права полного голоса, притащила Муздрика. Он любил голосовать, поднимая лапу вверх, естественно, думая,

как Маша. Пришел побыть в обществе, повиливая хвостом, и Кузя. Не без споров решили дом продавать. Хватит нам и деревни у бабушки в Липецкой области. Ехать, конечно, надо было мне и срочно, пока я был в отпуске. Оставалось решить две вещи: как быть с Машей и с Кузей.

– Да я большая уже, – возмутилась Маша, – и одна побуду дома. А Кузю пусть папа с собой забирает. Он будет его охранять.

– Кто кого: Кузя – папу или папа – Кузю? – пошутила Надя. Она считала, что Кузя трус. Ну, боится наш мальчик всяких новогодних фейерверков и петард – и что? На самом деле просто не представилось еще Кузе серьезного случая защитить своих хозяев.

– Да, Кузю можно взять, – подхватил я. – Ехать недалеко, восемь часов – выдержит.

– Будешь ему целое купе приобретать?

– Нет. Туда можно не только на поезде добраться. Ходят электрички до Будогощи, а там местный рабочий поезд – в него с собаками, думаю, пустят. И кстати, так быстрее.

– А это не опасно? – спросила вдруг Надя.

– Что? – тут я насторожился, потому что почувствовал: сейчас мне придется соврать. Ни словом я не обмолвился о том, что случилось с тетей Тamarой. Сказал только, что дядю Леню убили в пьяной драке, а тетя Тамара окончательно решила переехать к сыну.

– Ну, как "что"? – замялась Надя, похоже, она что-то чувствовала.

– Да чего там может быть опасного, – перебил я жену.

– А давайте я с вами поеду, – попросила Маша. Слово "опасно" заставило ее сделать стойку, как у хорошей гончей, она тут же поняла: папа что-то недоговаривает, а мама не догадывается. Но было уже поздно.

– Может, правда, возьмешь ее? – спросила Надя.

– Нет! – категорично заявил я.

На том и порешили.

Как же нам без Шерлока Холмса

Через день мы с моим верным псом уже сидели в электричке на Будогощ, Кузя в моих ногах все никак не мог устроиться – волновался. До отхода оставалось пятнадцать минут. Вещей взято минимальное количество: в основном еда на первое время – все уместилось в одном рюкзаке.

И тут кто-то сзади положил мне руку на плечо. Я застыл, но реакция Кузи была неожиданна – он смотрел мне за спину, прижав уши, и вилял хвостом. Сзади стояла Маша.

– Привет, – сказала она непринужденно.

Я вскипел, потому что уже догадался, почему она здесь, но спросил, как можно более строго:

– Ты что тут делаешь?

Она пожала плечами:

– С вами поеду...

То-то позавчера она так подозрительно быстро отстала, когда я сказал свое отцовское "нет!".

Я закипал все сильнее, так что скоро, наверное, уже должен был засвистеть, будто наш чайник со свистком.

– Как ты вообще сюда прошла? – еще удивлялся я. – На платформу пускают только по билетам.

– А я купила билет до этой... как ее?.. Будогощи.

– Выследила?

– Нет. Села на метро и доехала до Московского вокзала. Кстати, была тут уже раньше вас. Еще бы! Нам ведь с Кузей до вокзала пришлось ехать на перекладных: сначала на троллейбусе, потом на трамвае. С собакой в метро не пускают.

Маша попробовала взять инициативу в свои руки и скорчила рожицу:

– Возьми нас, папа...

– Кого это "нас"?

Маша улыбнулась и сунула руку в сумочку. Из нее тут же показалась озорная мордочка. Ну да, как же без него! Муздрик!

Стоит уделить этому персонажу немного места в моем повествовании. Ведь именно из-за него мы в последствии чуть не пошли по ложному следу, а мне пришлось совершить ни много ни мало – подвиг.

Как-то тратили мы с Машей деньги в известном игровом автомате с мягкими игрушками. Этакая трехпалая железная рука подводится кнопками к выбранной игрушке – хват! – и ничего не зацепил. Маше понравилась какая-то модная в те времена игрушка, то ли телепузик, то ли пикачу – не помню, – и мы, чтобы ее вытащить, потратили уже больше денег, чем если бы просто пошли в магазин и купили такую же. И вдруг вместо этого телепузика автомат зацепил какую-то дохленькую обезьянку коричневого цвета. Станным было то, что взял он ее прямо за лапу, будто сама обезьянка уцепилась лапой за железяку. А может, так оно и было. Обезьянка поднималась вверх и улыбалась.

– У-у, – только и сказала Маша, нисколько не обрадовавшись. Таких игрушек у нее было уже много. Таких, да не таких.

Обезьянка была маленькая, с ладонь, естественно, мягкая – внутри прощупывалось много каких-то шариков. Поражали в ней две вещи: улыбка, такая радостная, что не оторвать взгляд, и отсутствие обычного в таких случаях хвоста. Хвосты были обязательной принадлежностью всех обезьян-игрушек.

– Значит, она не обезьяна, – заключила Маша логично за пять лет до чтения Конан Дойла.

– Если хвост отвалился, это уже человек, – подхватил я.

Появилось затруднение с именем – мягких игрушек у Маши было так много, что прозвищ не хватало. А потому обезьянке досталось имя странное и только с непривычки, казалось, труднопроизносимое – Муздрик. Таким образом, она легко и непосредственно поменяла род с женского на мужской.

Новыми мягкими игрушками Маша играла обычно недели две, ну – месяц, потом их место занимали другие, а старые забывались. Мама, чтобы они, брошенные, зря не пылились, убирала их то и дело на антресоли до лучших времен. Это же грозило и Муздрику. Но, к его счастью, я в то время решил провести рекламный эксперимент, и, честно сказать, нравился мне Муздрик своей жизнерадостностью, да и надо было бороться как-то с Машиним безразличием. Достал Муздрика из мешка и сказал:

– Посмотри, Маша, его в мешок кладут, а он все равно улыбается. Думает, там его приключения ждут.

Муздрик в моих руках (и не без их помощи) закивал головой и захлопал лапами. Но с улыбкой-то его я ничего не мог сделать, а она, как нам показалось, вдруг возьми и стань шире. У Маши навернулись на глазах слезы. Мама нахмурилась. Она была права: время от времени игрушки надо было убирать, раз в них никто не играет, но как это – предавать друзей!

Маша схватила Муздрика и с той поры с ним не расставалась. Она нашла ему одежды из лоскутков. Он стал говорить тоненьким голоском, либо моим, либо Машиним, его ужимки с помощью наших рук смешили всю семью. Отсутствие хвоста внушало уважение. Мы с Машей потом видели точно таких же Муздриков в магазине, но хвосты у них всех были. Мы привыкли к его смешной рожице, но у других он почему-то не вызывал таких радостных эмоций. Вот бабушка, к примеру, не стеснясь ребенка, в той свободе, с которой в глубинке употребляется русский язык, звала нашего любимца, заменяя в его имени две первых буквы "Му" на "Пи".

Вот такая компания собралась: я, Маша, Кузя и еще, оказывается, Муздрик.

– Ты подумала о маме? Она ведь будет волноваться.

– Я ей позвонила на работу, сказала, что мне скучно, и она предложила мне сама ехать с тобой. Только сказала позвонить тебе, чтобы ты меня подождал, а я не стала – знала, ты не захочешь меня брать. В этой Хвойной ведь опасно, ты маме не сказал, но я-то почувствовала.

Я потянулся за своим мобильным телефоном, но тут зазвонил Машин.

– Да, мамочка, все в порядке, я с папой в электричке, но он почему-то не хочет меня брать. На, тебя, – протянула она мне трубку. Все понятно, договорились вчера за моей спиной.

– Возьми уж дочку, – сказала Надя, – чего ей тут делать в городе одной.

– Нет, – твердо сказал я. – Мало ли что в Хвойной может случиться, а Маша в последнее время любит совать нос не в свое дело.

– Ты же говорил, там не опасно...

Но я уже отключился. Отдал Маше ее телефон.

– Все. Марш домой! Как приехала, так и уедешь. Ключи-то хоть есть?

Это был вопрос-уловка. Сказала бы "нет", я дал бы ей свои, и почала бы домой, как миленькая.

Но Маша придумала кое-что оригинальнее.

– Я боюсь...

– Боишься? – ухмыльнулся я.

– Когда я ждала тебя перед турникетами, со мной рядом бомж стоял и все пялился на меня. А теперь – вон он, – и Маша показала на платформу.

Я обернулся. На платформе действительно прохладился мужчина непрезентабельно вида и не спускал с нас взгляд, пока Маша не показала ему язык.

Что же делать? Возвращаться с Кузей и опять на перекладных через полгорода? Потерять деньги? Билеты на электричку ведь не сдашь. Времени на обдумывание не было. Машинист уже начал бормотать что-то о правилах поведения и об остановках – сейчас отправляемся.

– Ладно, садись, – сказал я Маше. Хорошо хоть место рядом было. Вагон почти полон, а на наших двух скамейках – никого, вид у Кузи в наморднике больно грозен.

И только уже ближе к Будогощи, когда мы перекусили, и я окончательно остыл, Маша призналась, что дала пятьдесят рублей какому-то вокзальному бомжу, чтобы он постоял на платформе, пока электричка не тронется. Злиться у меня уже не было сил, тем более, как оказалось, мне без Маши было не обойтись – я это вскоре понял, когда она задала мне кучу вопросов и вытянула из меня все о смерти дяди Лени, о таинственных документах, о тете Людмиле. И выяснилось вдруг, что не все так просто с этим домом. А про бомжа я ей сказал лишь:

– Ему хватило бы и десятки.

Вот и давай детям деньги на карманные расходы.

Как же нам без Шерлока Холмса (продолжение)

Чтобы не скучать в дороге, я взял с собой книжку о затерянных кладах, но открыть ее в электричке мне так и не довелось. Оказалось, что Маша действительно знает гораздо больше, чем мама: здесь услышала, там пронюхала, быстренько составила себе общую картину и с тех пор не могла отказать себе в удовольствии расследовать это "странное дело". Я лично не видел ничего странного. Но не сразу до меня дошло, что дочка хочет поиграть в сыщика, а когда я понял это, уже всплыли некоторые подробности, при желании превращающиеся в зацепочки. Маша сыпала в меня вопросами, и пришлось рассказать ей все происшествие сначала. Затем она вполне резонно захотела узнать о жизни дяди Лени.

К стыду своему о своем дяде я знал мало. Общался с ним редко, а если и приходилось, то старался фильтровать его болтовню, ибо я не знал большего хвастуна и фантазера, чем он. И если отбросить все враки, то получалась вот такая история его жизни.

Он был самым одаренным из братьев и сестер. Судьба наделила его способностями к рисованию. Рисовать начал с детства и получалось это у него с легкостью и непосредственностью. Мешало одно – лень. Надо было развивать свой талант, учиться. Он и не думал об этом. Окончил десятилетку в Хвойной, пошел в армию. В армии его понесло на курсы прапорщиков, и дядя остался служить дальше. Зачем это ему было надо с его-то талантом, я не знал. Служил он в авиации, в аэродромном обеспечении, а потому и многие его фантазии были о том, как он летал на самолетах. Тетя Людмила как-то говорила, что на самом деле ни разу дяде Лене это сделать так и не удалось, даже пассажиром на пассажирском самолете. Служил он долго. Помню, когда я был маленьким, он приезжал к нам и дарил мне красивые значки с количеством парашютных прыжков. Снимал он их со своего ярко-синего кителя. А раз в воздух ему подняться не доводилось, значит, и значки были липовые.

Не меньшей страстью, чем врать и рисовать, для него были женщины. Знаю точно, что первый раз он женился только в тридцать лет. Он сам мне об этом говорил, добавляя, что до этого был девственником. И тут после первого брака дядю Лению понесло: трижды он был женат, и в каждой семье обзаводился ребенком. Видно перебродило что-то в человеке. (Рассказывая Маше, об этом я умолчал). Кроме того, дядя Леня имел кучу любовниц. Женщины его любили: то ли за хвастовство, то ли за талант. Впрочем, он был красив. Крупные, мужественные черты лица, нос, губы, веселая искра в глазах.

Не знаю точно, где он работал после армии. Но менял место работы он частенько, потому что еще одной его страстью стало пьянство. Всю жизнь его спасало рисование. Знаю, что он, переехав с сестрами в Хвойную, пытался устроиться учителем труда в школу, но не знаю – получилось ли. А в основном он подрабатывал, выстругивая разделочные доски, раскрашивая их и продавая. На бутылку, как правило, хватало. У нас, кстати, над газовой плитой висят три доски с конями, которыми по прямому назначению и пользоваться-то жалко. Это он их еще моим родителям подарил.

– Да, красивые, – подхватила Маша. – Сколько же надо пить, папа, чтобы сначала пропить квартиру, а потом залезть в долги стоимостью с целый дом?

– На самом деле ничего сложного. Думаю, жилье в Хвойной пока не очень дорогое.

– А ты часто бывал в Хвойной?

– Как же, конечно! Я там проводил все свои летние каникулы до последнего класса. Ездил так же, как и ты к своей бабушке.

– А какая она, Хвойная? Как у бабушки в Липецкой области?

– Нет, конечно. Во-первых, она намного больше. Это районный центр, крупная железнодорожная станция. Там много магазинов, помню, было два дома культуры – не знаю, есть ли сейчас, – две больницы, два парка, хлебозавод, пивзавод и много еще всякого. А во-вторых,

совсем не похоже на село твоей бабушки. Географию изучаешь? У бабушки – Черноземье: хаты, кругом – поля, вокруг них – посадки. А здесь ты такого не увидишь. Дома все из бревен. А вокруг лес, и не простой, а чистый сосновый бор. Потому и называется станция Хвойной. А грибов...

– Подожди, папа, с грибами. Давай вернемся к дяде Лене. За что же бандиты его убили? Вот ведь Шерлок Холмс! – подумал я.

– Им надо было, – продолжала Маша, – взять его за шкурку, привести к тете Тамаре и заставить, чтобы он сам уговаривал свою сестру перевести дом на них. Он же должник их, а, значит, помощник.

– Не забывай, что все они там были пьяные и Бульги тоже...

– Кто? – прыснула Маша.

– Бульги. Это фамилия братьев-уголовников.

Маша прыснула еще сильнее, привлекая внимание пассажиров. Вскочил Кузя, мирно спавший на полу.

– Нормальная фамилия – Бульга. Кажется, белорусская. Есть футболист такой. У меня на работе водопроводчик Бульга Анатолий Михайлович. Слово "бульжник" знаешь?

Маша опять залилась хохотом. Детский сад!

Наконец насмеявшись, Маша выдала:

– Бульги искали какие-то документы, а дом им был нужен, как Кузе пятая нога. И знаешь что, папа, сдается мне, они их нашли.

– Почему ты так думаешь?

– В противном случае разве они отпустили бы живой тетю Тамару... или, может быть...

– Маша задумалась.

– Или может быть, они подумали, что нашли, – закончил я.

– Правильно, молодец!

Похвала от дочери!

– Так, папочка, теперь давай поразмыслим, что они искали.

– Документы, а какие – неизвестно. О каких-то документах упоминала еще тетя Людмила в своем последнем письме. Помнишь, она приезжала к нам? – Маша потянула и за эту ниточку. Пришлось рассказывать о тете Людмиле, благо времени было, хоть отбавляй. В конце рассказа я достал ее последнее письмо. Письмо очень заинтересовало Машу. Она читала и перечитывала два листика из школьной тетрадки, нюхала края, изучала конверт. В сущности, она еще ребенок, и все это для нее, конечно, игра в любимого книжного персонажа.

– Странное письмо, – меж тем заключила моя сыщица. – Ты обратил внимание, что на конверте нет штампа из места отправления.

– Да, но тут нет ничего странного. Такое частенько бывает – забыли поставить.

– Смотри, папа. Идет текст, продиктованный тетей Людмилой... так... размашистый почерк... заканчивается этот лист, а вместе с этим и тетя Людмила теряет сознание. И потом уже на другом листе эта "добрая душа", которой диктовали письмо, пишет свои слова от себя лично.

– И что тут странного? – не понял я.

– Повторяю: лист заканчивается одновременно с потерей сознания тетей Людмилой.

– Это совпадение.

– А как ты объяснишь, что второй листик, на котором слова уже не тети Людмилы, а незнакомого человека, не совпадает по цвету с первым. Он, судя по разной желтизне, вообще вырван из другой тетрадки. Вот представь: ты пишешь кому-нибудь письмо, вырываешь из тетради лист, он у тебя заканчивается. Ты что же, будешь вырывать лист из другой тетрадки?

– Погоди... Что ты хочешь этим сказать? – но догадка уже и сама озарила меня.

– Что до нас, возможно, дошла не вся информация. Человек, которому тетя Людмила диктовала письмо, оставил у себя второй лист, а нам подсунил другой. Следовательно, нам нужно найти этого человека.

– Как же ты его найдешь?

– Элементарно...

Тут уж прыснул я. Как это моя дочь не добавила к слову "элементарно" фамилию доктора Уотсона. Но Маша не дала мне посмеяться, осадив меня неожиданными выводами:

– Это женщина, молодая, примерно двадцати лет, в больницу попала ненадолго, а работает она на почте.

Наверное, я хлопал глазами от неожиданности, – Маша, посмотрев на меня, улыбнулась:

– Все просто, папа. Хотя бы что это женщина, тебе понятно?

– Почерк?

– Да. И обстановка. Письмо написано в больнице, более того – в женской палате, тетя Людмила ведь не вставала. Дядя Леня к ней ни разу не пришел – он исключается. Из мужчин остаются только родственники больных и врачи. Родственников отмечаем. Врачи этого делать не будут, им и без того дел хватает. Поверь мне, я знаю, сама ведь с аппендицитом лежала. Но даже и из женщин никто к твоей тете не приходил, она об этом пишет в письме. Значит, остается только соседка по палате. То, что она молодая, можно сделать вывод по легкому налету духов, сохранившихся оттого, что ты держал письмо в конверте. Плюс психология пожилых женщин: если и просить кого-то, то не ровесницу, а того, кому не трудно будет это сделать.

"Психология пожилых женщин"! Двенадцатилетняя девочка! Я был потрясен. Впрочем, вспомнил: небось, залезла в книги мамы-психолога.

– Почему же ты сказала, что в больнице эта женщина лежала недолго? В письме же написано: "Сама лежала в больнице". Только не говори, что это тоже элементарно.

– Этот пункт самый уязвимый. Тут я вспомнила о другой психологии – лжеца. Если она обманула нас, утаив второй лист письма, почему бы ей, объясняя задержку письма, не написать, что она сама лежала долго в больнице. А то, что эта женщина работает на почте, я вывожу из-за отсутствия штампа на конверте. Штамп со временем отправления чуть ли не на два месяца позже смерти тети мог вызвать подозрения, как бы долго эта женщина в больнице не лежала. А так часть вины за задержку можно свалить на плохую работу почты.

Тут в голове у меня забрезжила неожиданная догадка.

– Маша, ты говорила, что за это лето перечитывала только "Шерлока Холмса"?

– Да.

– И сколько же раз?

– Четыре...

Четыре! Четыре тома по четыре раза! Штудировала!

Маша быстренько попыталась перевести тему разговора:

– Но это к делу не относится. Значит, сначала мы...

Тут я уже не выдержал:

– Сначала мы должны продать дом! Потом походить по лесу, пособирать грибы...

– Опять грибы!

– ... и благополучно живыми и здоровыми вернуться домой. Кому-то скоро в школу!

– Опять школа!

–

И больше никаких расследований, поняла!

Родные пенаты

В Будогощи мы пересели в рабочий поезд, который специально дожидался электричку. Кузя даже успел пометить местные столбы. Билеты купили у проводников. Проблем с проводом собаки не возникло, и так было пройдено последнее препятствие, отделявшее нас от приключения.

Всю оставшуюся дорогу до Хвойной, я пытался объяснить дочери, почему мы не будем влезать в эту историю. Она слушала внимательно, потому что я сразу показал ей свой шрам под сердцем, и Маша узнала, наконец, откуда он появился.

Это было незадолго до ее рождения. Странная история с моей книжкой, только что вышедшей. Персонажи ее ожили, или, вернее, существовали в действительности, хоть я, ее создатель, об этом и не знал. Одни из них – бандиты – гонялись за другим – фотографом. И тут встрял я со своей книжкой, как раз поступившей в продажу. И пришлось мне самому искать этого выдуманного мной фотографа, пока не получил нож в бок. С тех пор мы с Надей зареклись: никаких историй и приключений – испытывшие их в другой раз себе такого не пожелают. И вот теперь ты, Маша, хочешь сбить меня с дороги. А знала бы ты, как переживает сейчас твоя мама!

Но, похоже, из всего услышанного моя дочь сделала единственный вывод:

– Так, значит, вот откуда у меня такие таланты. А я-то начала подумывать, не сосед ли виноват...

Тут уж она получила от меня хороший подзатыльник.

И вот она – Хвойная.

Мы сошли с поезда, и в нос ударил густой сосновый воздух.

– Чувствуешь?! – торжественно спросил я у дочери и глубоко вдохнул. Запах детства! Кузя вытянул поводок-рулетку на все пять метров и радостно забегал, тоже поднимая нос вверх и принюхиваясь, но скорее по другому поводу. Видно, недавно здесь пробегала течная сука.

Мы пошли наискосок от вокзала по тропке с двух сторон заросшей кустами, по которой я всегда шел к бабушкиному дому, приезжая в Хвойную. Перешли вокзальную улицу рядом со столовой, где когда-то, будучи уже на пенсии, бабушка подрабатывала посудомойкой, чтобы накопить денег к приезду внуков. Также наискосок вышли на улицу Денисова, а потом – на Пионерскую, и пошли по ней.

– Все улицы в этой части поселка параллельны, – объяснял я Маше.

– Я уже заметила.

– Вокзальная, Денисова, Пионерская, Шоссейная... – перечислял я с восторгом, охватившим меня, и вдруг запнулся. Название следующей забыл. – Ах да, потом Железнодорожная, потом наша, Восьмое марта и последняя – Речная.

– И вся деревня?

– Это не деревня, а поселок городского типа, районный центр, и улиц здесь еще очень много, я же тебе говорил.

От вокзала до нашей улицы Восьмое марта было ходьбы минут двадцать. И вот она, наконец!

– Странное название, – прочитала Маша старую табличку на угловом доме, – улица Восьмое марта. Было бы хоть: улица имени восьмого марта.

– Маша, прекрати везде искать странное.

По-моему, она просто посмеивалась над моей восторженностью.

Мы уже подходили к нашему дому. Потянулись дома ближайших соседей.

– Не знаю, как сейчас, а раньше здесь жила Терещиха, в следующем доме Еромыгины, потом баба Лиза. А по этой стороне: баба Ириша, потом наш дом, потом Садовничиха.

Маша фыркнула. Мне же эти имена ласкали слух.

– А где соседи Бульги? – вспомнила дочь.

– Это внуки бабы Ириши. Сама-то она, конечно, уже умерла, она ведь была старше моей бабушки. Вот их дом. А дальше – видишь, в конце улицы заготскот...

– Загот – что?

– Заготскот – "заготовление скота" сокращенно. Потом расскажу.

– Где же конец улицы? Конца-то чего-то не видно...

Я уже и сам заметил. Разрослась улица Восьмое марта: раньше за заготскотом было поле, а там – и лес. Теперь же новые дома уходили вдаль.

И тут мы были обнаружены соседями, не помешали и надвигавшиеся сумерки. Первой нас увидела в окно бабка Настя Еромыгина, не поленилась, вышла во двор, подбежала к калитке:

– Никак Паша Заманихин приехал?

Глупый вопрос, когда вот он, я, улыбаюсь и киваю головой, но так тут было принято спрашивать, и выслушивал я это каждый раз, когда раньше приезжал на каникулы к бабушке.

– А это дочка что ли твоя?

Я опять кивнул.

– Экая уже большая!

Раньше эта фраза относилась ко мне, маленькому: "Экий уже большой!" – дальше обычно следовало философское отступление о времени и теперь не замедлило оно прозвучать:

– Вот время-то летит, времечко! – вздохнула бабка Настя

– А как Сашка поживает? – Спросил у бабки я. С ее внуком Сашкой мы в детстве вместе бегали, а потом как-то наши дорожки разошлись, хоть и жил он тоже в Петербурге.

– О, он сейчас большой начальник, – ответила она, но не без гордости, а с упреком, – к бабке даже некогда заехать.

На высокий голос бабки Насти из дверей следующего дома, что напротив нашего через дорогу, высунула сухонькое личико бабка Лиза. Жива еще! Помню, лазили к ней в огород на огромную старую черемуху, ели недозрелые вяжущие ягоды, а бабке Лизе приходилось гонять нас, и еще в те времена была она дряхла.

– Здравствуйте, – крикнул я ей, но она, похоже, меня не узнала.

Из дома Бульг, что рядом с нашим, никто не вышел, но я видел, как колыхнулась за окном занавеска. Видно не хотели они со мной здороваться, впрочем, как и я с ними. Знал я их тоже с детства. Старший из них, Иван, был младше меня на четыре года. Баба Ириша частенько просила меня взять поиграть с собой Ваню, а за ним тянулся и его брат Тарас. Третий, младший, в те времена еще не родился. Молодцы эти всегда тяготили нас. Мы частенько убегали от них, прятались, и бабе Ирише приходилось забирать своих внуков, дружно ревущих богатырским плачем, и ругала она на чем свет стоит нас, больших, выглядывающих из-за угла. Тяжеленько приходилось бабе Ирише. Отца у внуков не было. Мать сидела в тюрьме. Помню, вышла она, когда было мне уже лет шестнадцать, родила своего третьего, Степана, и опять села.

В другом соседнем с нашим доме жила баба Маша Садовникова. Теперь там в окнах было темно.

Мы стояли перед нашим домом. Калитка была приоткрыта.

– Странно, как ты... – начала опять Маша.

– Помолчи уж!

– Я хотела сказать только, как ты и за сколько, и какому дураку собираешься продать эту рухлядь. Жили бы мы вот там, – показала она на соседний дом Садовничихи, большой высокий, на фундаменте, выступающем на два метра от земли.

– Наш не хуже, – буркнул я.

Вошли во двор. В сумерках он показался мне запущенным, неприбранным. По всему двору валялись какие-то бумажки. По бетонной тропинке вдоль дома мы подошли к крытому крыльцу. Дверь, естественно, была закрыта на всячий замок.

– Сейчас найду ключ, – сказал я, поднял руки, пошарил над дверью. Ключа не было. У тети Тамары я даже не спросил, куда они обычно прятали его. Под ковриком? Ковриком и не пахло. Возле крыльца был камень. Еще бабушка всегда клала ключи под него. Спустился со ступеньки, склонился над камнем – и точно – нащупал.

– Не надо ключа, папа.

Я удивленно посмотрел на Машу, а она демонстративно взялась двумя пальцами за накладку под замком и вытащила ее вместе с гвоздями. Дверь открылась, замок остался висеть на месте.

– Папа, можно я теперь скажу слово "странно"?

– Ты уже сказала, достаточно.

Мы поднялись по крыльцу. Следующая дверь в сени тоже была не заперта. Из сеней внутрь вела еще одна дверь, утепленная, которую на запоры никогда и не закрывали. Та самая дверь, за которой пытался спрятаться дядя Леня, заперев ее изнутри на хлипкий крючок. В темноте сеней я наощупь по памяти сразу нашел ее ручку, открыл, и мы переступили через порог. Маша ахнула...

Дом наш устроен до гениального просто. Если отбросить все перегородки, разделяющие комнаты, посередине будет стоять русская печь. Перегородки делят дом крест-накрест. Получается четыре комнаты, включая кухню, и в каждой теплый угол печки.

Та комната, в которой мы оказались была самой маленькой и на городской манер называлась "коридор", хотя, конечно, никакой это был и не коридор. Из мебели здесь была старая тумба и лавка, да еще рукомойник, который не помещался на кухне. Рядом с рукомойником стояло ведро с чистой водой, сейчас пустое, а над рукомойником висело большое зеркало в раме.

И правда, как тетя Людмила сообщала в последнем письме, теперь от края его по диагонали проходила большая трещина – дядя Леня не сдержался, саданул по своему отражению. И его ведь можно понять, потому что сверху по раме зеркала шла вырезанная надпись: "Что может быть трудней: смотреть в себя и жить". Надпись, как и раму, сделал Алексей Зиновьевич, второй муж бабушки. Говорится же: в разбитое зеркало смотреться – к несчастью. И вот, пожалуйста. Сколько прошло с того момента, как зеркало треснуло, сколько понадобилось времени, чтобы случилось несчастье? А ведь было это зеркало со своей загадочной надписью для меня и еще одним символом: это бабушкина семья – бабушка и все ее пятеро детей. Что же случилось, когда зеркало разбилось?

Напротив была самая большая комната. Здесь были кровать, диван, комод, на котором раньше стоял телевизор, а сейчас почему-то его не было. Слева от коридора кухня. Тут помещались только буфет, стол да газовая плита. Холодильник издавна, по деревенской традиции находился в холодном месте, в сенях. Пройдя через кухню можно было попасть в комнату бабушки, всю заставленную мебелью: два шкафа, еще один комод, узкая высокая кровать. Эта последняя комната была меньше большой за счет того, что перегородка между кухней и комнатой сдвинута дальше, чем между большой комнатой и коридором.

В проемах перегородок вместо дверей всегда висели занавески. На полу в огромном количестве один на другом лежали половики, вытканые бабушкой.

Когда гости попадали первый раз в наш дом, всегда ахали, потому что во всех комнатах, на всех стенах висели удивительные поделки дедушки Алексея Зиновьевича, начиная от зеркала в коридоре и кончая всякими резными ковшиками и кружками. Потом и дядя Леня начал вносить свою лепту, появились разделочные доски на стенах: дальше этого его фантазия не шла – не хотел он повторять работы отчима.

Но теперь, возможно, Маша ахнула и не из-за этого. В доме был полный развал. Все перевернуто вверх дном, все сдвинуто, разбросано. Конечно, никаких занавесок в проемах дверей и на окнах. Видно, обыск тут был первостатейный.

– Как они еще печь не свортили! – вырвалось у меня.

На всем лежал хороший по толщине слой пыли. С пылью в этом доме всегда были проблемы. Помню, бабушка чуть ли не каждый день возилась с тряпкой, что-то вытирая и вытирая. Не факт, что так же часто это делала тетя Тамара.

С сожалением Маша посмотрела на двухконфорочную плиту, стоявшую в углу на кухне:

– Я думала, мы будем печку топить, а тут, оказывается газ проведен, как у бабушки.

– Нет, газ не проведен. На улице стоит газовый баллон, – я показал дочке в окно на железный ящик у стены. – А печь обязательно растопим, если будет холодно.

Дело в том, что хоть и ездила Маша к бабушке в деревню, а не искушена была настоящей деревенской жизнью. Там у бабушки одно слово – деревня, а сама бабушка живет в трехкомнатной квартире в пятиэтажном доме, естественно, со всеми удобствами. Потому и вызвал у Маши такой восторг поход в туалет, который был во дворе за домом.

– Смотри, не провались, – сказал я ей на ее радостные возгласы изнутри.

Отдохнув немного, осмотревшись, мы начали наводить порядок хотя бы в одной комнате, большой, чтобы можно было лечь спать. Кроме того, мне надо было приготовить ужин ребенку.

Уже в полной темноте я сходил на колодец за водой, поставил кипятиться воду. Достал из рюкзака пачку макарон и тушенку – универсальное блюдо для нас и для Кузи.

Кузя, кстати сказать, походил, походил по дому, понюхал, чихнул пару раз и запросился на улицу. Я выпустил его во двор, закрыв калитку, чтобы этот любитель девочек не пошел искать приключений по всей Хвойной. Но Кузя серьезно отнесся к своим обязанностям. Я наблюдал в окно, как он, обследовав двор, улегся перед крыльцом, то и дело наостряя уши. Охранник! Видно, сбывась его, городского пса, мечта. Жалко, что будки во дворе не было.

Маше я вручил сырую тряпку и велел вытереть пыль, пока готовится ужин. Собрать в кучу и вынести пока в сени все бабушкины половики предстояло мне – завтра вытрясу. Маша филонила, постоянно отвлекаясь на всякие поделки и безделушки – нового и интересного было в доме много. Но вскоре она – уже без тряпки – притащила мне какую-то газету.

– Смотри, папа, что я нашла.

"Известия". Газета помимо своего обычного сложения вчетверо, была еще несколько раз сложена вдоль, превратившись в плотную полосу. Я ее развернул, привычно пробежал по строкам глазами и отпустил из одной руки. Газета сама сложилась гармошкой как прежде.

– Ну и что? – спросил я.

– Как "что"? – изумилась Маша. – Ты на число посмотри. Третье августа!

Маша не дала додумать мне самому.

– Здесь, папочка, кто-то хорошо покопался, пока тетя Тамара пряталась у знакомых. Она ведь после убийства ни разу здесь и не была. Как ты думаешь, могут Бульги читать такую газету, как "Известия"?

– Думаю, вряд ли...

– Тогда здесь был кто-то еще. Вопрос: зачем?

Последний погожий день

Я проснулся от холода. Был восьмой час, Маша еще спала. Я накрыл ее своим одеялом и побежал на улицу – понятно зачем. День обещал быть чудесным. Солнце, вырвавшись из объятий ночных облаков, поднималось над лесом и с утра уже припекало. А роса у меня под босыми ногами была ледяная. Сразу вспомнилось детство здесь у бабушки, как вот также, босиком, я бежал по утрам в туалет.

Освободившись от давившего бремени, я не стал спешить в холодный дом и решил погреться лучше на солнышке. Рядом с туалетом был огород. Конечно, я представлял, какое там может быть запустение после смерти тети Людмилы, но то, что я увидел, представить было невозможно. Огород-кормилец был за отдельным забором из вертикально стоящих жердей, и поэтому, пока не подойдешь к его калитке, не увидишь, что там внутри. На том лелеемом бабушкой месте, где всегда красовались ровные высокие грядки с узенькими проходами меж них, теперь чернели три большие ямы в половину человеческого роста глубиной. Кругом кучи вырытой земли. И никакого урожая! Лишь у дальней стенки разросшийся укроп, да в другом углу куст смородины с засыхающими неубранными ягодами. Огород-кормилец, дяде Лене был не нужен.

Стоило привести сюда Машу, вот бы закипело расследование. Потому-то я, наоборот, решил ей пока ничего не говорить.

За огородом было картофельное поле, полого спускавшееся к речке Талке. Неужели и его таким же образом перерыли? Неужели мы остались даже без картошки? – мелькнуло у меня с тревогой. На огород я рассчитывал, на одних макаронах долго не протянешь, тем более с дочкой. Но нет, на картофельном поле была всего лишь одна небольшая ямка рядом с забором огорода. Картошку нам оставили, но в каком виде! Ни разу ее не пололи и даже, кажется, не окучивали. И все же из-под высоких сорняков выглядывали уже засыхающие стебли деревенской кормилицы.

Свистнув Кузю, я по тропинке спустился с ним на задки огорода и через заднюю калитку вышел к речке. Тут были раньше мостки, на которых бабушка полоскала белье. Сюда же мы ходили по утрам умываться. Ностальгия захватила меня, и была она приятна и тепла, как дымка утреннего тумана, лежавшая над речными берегами. На некоторое время вернулось спокойствие. Все эти ямы и другие странности, что так манили к себе Машу, мне лишь мешали.

Но отпускать меня они не собирались. Подойдя к дому, я внимательнее взглянул на бумажки во дворе, на которые вчера в сумерках лишь скользнул взглядом. Фотографии! Старые бабушкины и тети Людмилины фотографии! Они были разбросаны по всему двору, многие отсырели от росы, многие были порваны. Пролежали они тут, видно, немало. Собирая их, под старым кустом бузины я нашел и шкатулку, в которой всегда они хранились. Кто-то сидел во дворе в открытую, смотрел фотографии и тут же их раскидывал, а потом и шкатулку швырнул подальше. Я знал, что эту шкатулку делал еще дедушка, отчим бабушкиных детей. Красотищи необыкновенной! Украсила бы любой интерьер, а ее – под бузину.

Когда я со шкатулкой, в которую снова положил фотографии, вернулся в дом, Маша уже не спала, лежала под двумя одеялами и читала мою книжку о кладах.

– Представляешь, – сказала она, оправдываясь, – в этом доме ни одной книги нет. Не читать же мне "Известия".

– Читай, читай. Как раз для твоего возраста, только, чур, потом не говори, что тут клад искали, а то сейчас начитаешься...

Как и задумывал, я взял полотенце, зубные щетки и потащил Машу на речку умываться. В городе она как-нибудь отвертелась бы, но тут ей все было в диковинку. Побежала за мной, как миленькая, неловко, осторожно ступая босиком по утренней земле.

Все же, любопытная, сунула свой нос, проходя мимо огорода, посмотрела над калиткой внутрь, подпрыгнула, но роста не хватило, и спросила:

– А тут что?

– Тут огород, – постарался я сказать как можно более непринужденно, чтобы не привлечь Машиного внимания, и она тут же о нем забыла. Огороды не интересовали ее с малых лет, когда бабушка звала ее даже и не поработать немножко, а просто пойти, поесть ягод.

Спустились к речке. Талка хоть и неширока, не могла не вызвать Машиного восторга. Заразила Маша и Кузю, заставив его залезть в воду. Кузя не особый любитель купаться, но тут как раз была его любимая глубина – ему по пузо. Выскочил из воды и начал бегать по берегу, согреваясь, играя. Вода в Талке очень холодная, на то она и Талка.

В этот день нам предстояло расклеить объявления о продаже, еще нужно было приводить в порядок дом, чтобы хоть кто-нибудь на него позарился.

Объявления были напечатаны еще в Петербурге, клей привезен с собой. Оставив Кузю сторожить дом, мы с Машей пошли по улице Восьмое Марта и шлепали на столбы свои бумажки. Дошли до самого начала улицы, до школы и направились по улице Связи. Возле магазина, где мы тоже пристроили свое объявление, Маша увидела вывеску почты и предложила мне:

– Зайдем?

– Зачем?

– Спросим, кто тети Людмилино письмо отправил...

Реакция моя была мгновенна. Я напомнил дочери, что мы тут для другого, и я не позволю ей влезать в какие бы там ни было истории. Маша сникла.

– Тебе самому разве не интересно?

– Нет, – отрезал я. – И ты забудь.

Сам я забыл тут же, потому что погрузился в воспоминания, и рассказывал Маше о том, где мы проходим. А прошли мы не мало. Перешли реку Песь по пешеходному мосту возле больницы, и я показал, где я обычно купался и как прыгал с этого моста в воду. За Песью был Поселок и здесь тоже было о чем рассказать. Впечатления мои были радостные и в то же время тягостные. Хвойная изменилась неузнаваемо. Та же вот речка Песь обмелела, и с моста теперь уже, наверное, не прыгнешь. Вроде бы и жизнь в Хвойной стала лучше, а вроде бы и обветшало все. И немудрено: последний раз я был здесь пятнадцать лет назад. И не знаешь, что лучше: бывшие времена, когда за хлебом очереди каждое утро, или нынешние, когда ларьки на каждом углу. Повстречал двух знакомых, каждого по отдельности, но обоих с одинаковыми пропитыми рожками. Один предложил отпраздновать встречу, я отказался, кивнув на дочь. Тогда знакомый занял у меня в долг пятьдесят рублей – пошел праздновать один.

– Ну, у тебя и друзья! – тут же заметила Маша.

– Надеюсь, не все здесь еще спились, – только и смог я ей с грустью ответить.

Возвращались мы уже к обеду, который, кстати, надо было еще приготовить. Возле дома была еще одна встреча. Мимо проходил старичок, неказистый, обветшалый, но что-то в нем опять напомнило мне о детстве, пронзило все нутро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.